

Trade on the Frontier: Entrepreneurial Techniques and Practices in the Russian Far East in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries

Tatiana Z. Poznyak

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia. Email: [tzpoznyak\[at\]mail.ru](mailto:tzpoznyak[at]mail.ru)
ORCID <https://orcid.org/0009-0003-1823-1851>

Received: 27 June 2024 | Revised: 28 August 2024 | Accepted: 8 September 2024

Abstract

The article is devoted to the specifics of the forms and methods of trade on the Far Eastern frontier in the second half of the 19th – early 20th centuries. At the initial stage of colonization of the region, trade was distinguished by a number of features characteristic of frontier zones: the predominance of import trade, distribution trade carried out along the rivers from barges, fairs and mixed stationary trade. One of the main features of trade on the Far Eastern frontier was significant foreign influence. The competitive advantages of entrepreneurs from the USA and European countries were formed at the first stage of colonization from the delivery of goods by sea, the presence of established connections with suppliers of goods in the homeland, the possibility of obtaining a loan or the availability of working capital, the attraction of qualified compatriot employees, high quality of service and a comfortable environment in stores, and at the beginning of the 20th century – due to the export of technical innovations, further improvement of the quality of service, and the introduction of new standards of retail premises. We can speak of the perception of some of these practices by Russian merchants and positive changes in the organization of their trade business only in relation to the end of the 19th – beginning of the 20th century. It is difficult to judge, given the lack of memoirs of regional entrepreneurs, whether this occurred under the influence of European entrepreneurs or it was a consequence of business development and the increased level of education of local merchants.

The main reasons for the success of the Chinese traders were solidarity, the ability to please the customer, mutual lending, minimizing expenses on advertising, insurance, furnishings of retail premises, heating, lighting and wages of employees, as well as the use of illegal and legal, but morally dubious methods of enrichment – the sale of low-quality or spoiled goods, non-payment of taxes, smuggling, fraud. Russian and European entrepreneurs estimated the methods and practices of Chinese entrepreneurs negatively, and perceived them as dangerous competitors. The Asian influence on Russian entrepreneurial culture was complicated not only by the existence of a religious and cultural boundary between the Chinese and Russians, but also by the European idea of civilizational superiority and the civilizing mission of Europe, which was accepted by the educated society of the Russian Empire and formed the basis for the attitude not only towards aborigine, but also towards Chinese migrants.

Keywords

Frontier; Colonization; Russian Far East; Trade; Chinese; Entrepreneurship; Primitive Accumulation of Capital; Cultural Transfer



This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Торговля на фронтире: предпринимательские приёмы и практики на российском Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в.

Позняк Татьяна Зиновьевна

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.
Владивосток, Россия. Email: tzpoznyak@mail.ru
ORCID <https://orcid.org/0009-0003-1823-1851>

Рукопись получена: 27 июня 2024 | Пересмотрена: 28 августа 2024 | Принята: 8 сентября 2024

Аннотация

Статья посвящена специфике форм и методов торговли на дальневосточном фронтире во второй половине XIX – начале XX в. На начальном этапе колонизации региона торговля отличалась рядом черт: преобладание ввозной торговли, развозная торговля по рекам с барж, ярмарочная и смешанная стационарная торговля. Одной из главных особенностей торговли на дальневосточном фронтире было значительное иностранное влияние. Конкурентные преимущества предпринимателей из США и европейских стран в условиях порто-франко складывались на начальном этапе доставки товаров морем, наличия налаженных связей с поставщиками товаров на родине, возможности получения кредита или наличия оборотных капиталов, привлечения квалифицированных служащих – соотечественников, высокого качества обслуживания и комфортной обстановки в магазинах, а в начале XX в. – за счёт экспорта технических новинок, дальнейшего повышения качества обслуживания, внедрения новых стандартов торговых помещений. Только применительно к концу XIX – началу XX в. можно говорить о восприятии русскими купцами некоторых из этих практик и позитивных изменений в организации ими торгового дела. Ввиду отсутствия мемуаров региональных предпринимателей трудно судить, происходило ли это под влиянием европейских предпринимателей или было следствием развития бизнеса и повышения уровня образования местного купечества.

Главными причинами успеха китайцев были солидарность, умение угодить покупателю, взаимное кредитование, минимизация расходов на рекламу, страхование, обстановку торговых помещений, отопление, освещение и заработную плату служащим, а также использование нелегальных и легальных, но сомнительных с точки зрения морали способов обогащения – продажа некачественных или испорченных товаров, неуплата налогов, контрабанда, мошенничество. Приёмы и практики китайских предпринимателей оценивались негативно, а сами они воспринимались как опасные конкуренты не только русскими, но и европейскими предпринимателями. Азиатское влияние на русскую предпринимательскую культуру, вероятно, затрудняло не только наличие религиозной и культурной границы между китайцами и русскими, но и европейская идея цивилизационного превосходства и цивилизаторской миссии Европы, воспринятая образованным обществом Российской империи и лёгшая в основу отношения не только к своим «иногородцам», но к китайским мигрантам.

Ключевые слова

фронт; колонизация; Российская империя; Дальний Восток; торговля; китайские мигранты; предпринимательство; первоначальное накопление капитала; культурный трансфер



Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Тема становления и развития торговли на российском Дальнем Востоке в имперское время исследована далеко не во всех аспектах. В диссертационном исследовании А. А. Устюговой и её статьях по развитию торговли в дальневосточном регионе во второй половине XIX в. в основу положен отраслевой принцип (Устюгова, 2004). Кроме того, она исследовала особенности региональной торговли в оценках современников (Устюгова, 2014). Одним из самых изученных аспектов темы является китайская торговля в Приамурском крае и меры по её регулированию (Позняк, 2004, с. 118-132; Позняк, 2010, с. 36-48; Романова, 2009, с.142-151; Сорокина, 1999, с. 163-199, 2014). Положено начало исследованию российско-китайской торговли и её влиянию на модернизацию Дальнего Востока (Хамзин и др., 2023, с. 133-152). В меньшей степени изучены особенности торговли европейских и американских предпринимателей и методы первоначального накопления капитала.

Основной целью данной работы являются описание специфики торговли и методов первоначального накопления капитала на начальном этапе колонизации региона в условиях малонаселённости, отсутствия развитой инфраструктуры, банковского кредита, а также приёмов и практик предпринимателей различной этнокультурной и религиозной принадлежности на дальневосточном фронтире.

Применение понятия «фронтир» в отечественной историографии ушло далеко от первоначальной идеи Ф. Дж. Тернера как подвижной границы и «воспитателя» американской нации (Тернер, 2009), при этом обогатив историографию Сибири, Урала и Дальнего Востока множеством фундаментальных работ. Большой вклад в исследование фронта в нашей стране внесли новосибирские (Резун, 2001; Резун & Шиловский, 2005) и уральские ученые (Побережников, 2011, с.191-203; Зубков & Побережников, 2023, с. 235-263 и др.). При исследовании торговли на российском Дальнем Востоке автор основывался на понимание фронта не только как подвижной границы между освоенной и неосвоенной территорией, но и как зоны контакта (взаимодействия и конфронтации) между представителями разных культур и цивилизаций (Побережников, 2011, с. 191-203; Конев, 2023, с. 279). Российский Дальний Восток в силу приграничного положения, специфики состава населения – огромная доля военных и иностранных подданных/граждан различной национальной и религиозной принадлежности, – а также подвижности и проницаемости границы с сопредельными азиатскими государствами представлял собой зону этнокультурного взаимодействия в течение всего имперского и части советского периода истории. Автор предполагает, что в разных сферах жизнедеятельности на фронтире (экономика, политика, культура и пр.) взаимодействие разных этнокультурных и религиозных групп населения шло по-разному и взаимовлияние происходило с разной степенью интенсивности.

Источниковой базой исследования послужили статьи и заметки в местной печати, путевые очерки и аналитические работы современников, обзоры и всеподданнейшие отчёты военных губернаторов Приморской и Амурской областей, г. Владивостока, материалы официального делопроизводства, городских самоуправлений и генеральных проверок торгово-промышленных предприятий из фондов Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. В большинстве документов делопроизводства региональной администрации – переписки, отчётов, аналитических записок, статистических сведений, – преобладает дискурс об отсутствии стремления к аккультурации и вообще взаимодействия азиатских мигрантов (китайцев, корейцев и японцев) с российским населением. Использование их зачастую приводит исследователей к такому же выводу (Нестерова, 2000; Позняк, 2002; 2006). Однако обращение к тёмным сферам деятельности китайских мигрантов и представителей российской власти и общества – опиекурение, банковки, проституция – и документам полицейских и административных расследований вскрывает целый пласт практик взаимодействия азиатских мигрантов и российского населения, а также указывает на значительный слой населения, вовлечённого с обеих сторон в сотрудничество и обладавшего для этого необходимыми знаниями и навыками (Позняк, 2016). Данная статья – продолжение этого направления исследований применительно к торговле.

Особенности предпринимательства на начальном этапе освоения региона, методы первоначального накопления капитала

Характерными чертами дальневосточного фронта были слабая заселённость и освоенность, удалённость от метрополии, огромные расстояния и неразвитость транспортной инфраструктуры, милитаризованность и большая доля в населении военнослужащих и казаков, этнокультурное разнообразие, значительное влияние во всех отраслях региональной экономики иммигрантов – иностранных предпринимателей и рабочей силы.

Торговля, будучи одной из основных сфер предпринимательской активности выходцев из разных стран, в условиях необходимости снабжения населения продовольствием и предметами первой необходимости обеспечивала наибольший процент прибыли. В регионе, где пионерами освоения выступали военные, казаки и немногочисленные крестьяне, не успело сформироваться собственное сельскохозяйственное, ремесленное и тем более промышленное производств, насущнейшей потребностью стало снабжение населения за счёт ввоза извне. На российском Дальнем Востоке отсутствовали крупные купеческие капиталы, но существовали широкие возможности для начала предпринимательской деятельности и первоначального накопления капитала. Положительную роль сыграла политика правительства: введённые «Правилами для поселения русских и иностранцев в Приморской и Амурской областях

Восточной Сибири» свобода занятия торгово-промышленной деятельностью для всех сословий, освобождение от уплаты гильдейских пошлин купцов при записи в ту же гильдию, что на прежнем месте жительства. Значительному участию иностранных предпринимателей и капиталов в дальневосточной торговле способствовало введение порто-франко (Позняк, 2004, с. 118-119; Позняк, 2010, с. 36-37).

Однако существовало и множество факторов, затруднявших ведение дел на фронтире. Совладелец и управляющий торгового дома «Кунст и Альберс» А. В. Даттан в «Историческом очерке развития Приамурской торговли» главными из них называл отдалённость окраины от центров производства, риски морской доставки, неразвитость транспортной инфраструктуры, отсутствие у предпринимателей собственных капиталов и трудность получения кредита, объем и характер рынка, медленный оборот капитала. Он указал на то, что русские купцы редко пользовались предоставленными им по закону льготами, а иностранцы, напротив, умело использовали возможности режима порто-франко, поскольку им доступнее был фрахт иностранных судов и кредиты. Это преимущество исчезло с открытием регулярных рейсов Добровольного флота в 1880-е годы, когда и иностранные торговцы перестроились на закупку русских товаров в Европейской России (1897, с. 17-20, 46-50).

Вышеуказанные факторы на начальном этапе колонизации региона приводили к быстрому разорению купцов. В период 1856-1857 гг. в Амурском крае «вели дело до 20 отдельных лиц, большинство которых просуществовало только до 1863-1864 гг. и удалилось из края или покончило ликвидацией по тем или другим причинам». С первых же лет русской торговли кроме купцов, прибывавших из Восточной Сибири, здесь стали возникать и местные небольшие капиталы; к 1863 г. число их доходило до 81, а вместе с прибывшими извне и более крупными до 101. В 1885 г. из всех этих предприятий осталось только 16; остальные же 85 прекратили свои операции, и наибольшая утрата их приходится на 1867 год (Даттан, 1897, с. 2-3).

Примером неудачного предпринимательства во всех путевых заметках и воспоминаниях о 1850-1860-х годах стала деятельность Амурской компании. Она была основана Дмитрием Егоровичем Бенардаки в Петербурге в 1858 г. как акционерное общество с капиталом в 3 млн руб. Первым распорядителем стал иркутский купец Андрей Васильевич Белоголовый. В первые же два года компания открыла свои магазины в Благовещенске, Албазине, Николаевске-на-Амуре и станице Екатерино-Никольской. Целью компании было не только снабжение края товарами, но и развитие местных промыслов и вывоз их продуктов за границу. Просуществовала она только до 1863 г., когда была продана за бесценок. П. И. Пахолков считал, что основными причинами быстрого упадка компании была некомпетентность управляющих. При всей честности А. В. Белоголового, он был больше теоретиком, чем практиком торгового дела (Пахолков, 1998, с. 156-217). Важной причиной разорения стал большой штат служащих в Санкт-Петербурге, которые получали значительное

жалованье и занимались лишь ненужной регламентацией деятельности компании (Стахеев, 1869, с. 253). По мнению М. И. Венюкова, не последнюю роль в её разорении сыграли действия местных властей – безвозмездное использование перевозочных средств компании, забор скота и муки для казённых надобностей с обещанием уплатить на будущий год и пр. вместо облегчения деятельности компании отводом ей постоянных мест под торговлю, перевозки грузов на казённых пароходах и т. п. (Венюков, 1970, с. 76-77).

Большинство купцов из Восточной Сибири в конце 1850-х – начале 1860-х годов вели торговлю на Амуре через приказчиков или сами летом в период навигации, не переезжая в Приамурье на постоянное жительство и оставаясь купцами Иркутска, Читы, Верхнеудинска, Балаганска и возвращаясь домой с окончанием навигации. Они вели торговлю с барж, занимались скупкой пушнины. В середине 1860-х годов некоторые из них поселились в Благовещенске, приписавшись к местному купечеству, и закончили свою деятельность в конце 1870-х или начале 1880-х годов.

Современники начального этапа колонизации региона указывали, что стремление к кабале, монополии и хищничеству являлось характерной чертой сибирской экономической деятельности, большинство торговцев руководствовались принципом «не надуеть – не продашь».

«Новизна и пустынность окраины, её изолированность от всего остального мира, внутреннее и внешнее бездорожье, наличие беспомощного инородческого населения и пр. – все это должно было только способствовать анархии в начинавшейся торгово-промышленной деятельности окраины и усиливать нежелательные тенденции во всех направлениях» (Даттан, 1897, с. 7-8).

Важнейшими статьями первоначального накопления капитала были торговля спиртными напитками, пушниной и неликвидными товарами, скупаемыми за бесценок на азиатских рынках. Современники наиболее часто упоминали в негативном ключе выгодный для торговцев обмен мехов у коренных народов на продукты питания и водку (Даттан, 1897, с.10). В книге «Далекая Россия и Уссурийский край» Н. Алябьев писал, что главным местом торговли соболями в 1860-е годы была Хабаровка, сюда ежегодно собиралось до 20 тыс. собольих шкурок по цене от 5 до 20 руб. серебром:

«В первое время русского заселения соболя можно было достать за стеклянную бутылку или медную пуговицу, а ловить его можно было около дома. Однако продолжалось это недолго. Запрос русских купцов, явившихся сюда из Забайкалья и даже из Иркутска, и усиленная охота на соболей естественно подняли цену и уменьшили добычу. Эта конкуренция не мешает китайцам и русским купцам эксплуатировать в свою пользу инородцев, которые за соболя получают самые ничтожные цены. Средствами в этом случае не стесняются ни те, ни другие; опьянение водкой и высокая оценка своих товаров составляют не самые последние орудия для наживы» (1872, с.19-20).

Н. Алябьев красочно описал методы первоначального накопления капитала:

«...если принять в соображение, что здешние купцы составились из элементов не совсем красивых; почти все купечество состоит из знаменитых деятелей не менее знаменитой амурской компании, разорившей своих акционеров и обогатившей приказчиков, отставных солдат, прошедших огонь и воду, или казака, выдавшего на своём веку всякие виды. Естественно, что за соболями первый предмет торговли составляет водка, которая есть главная приманка для покупателей всех возрастов и национальностей. Что же касается до мануфактурных товаров первой потребности, то все они отвратительно гадки и непомерно дороги. Все, что залежалось в Иркутске, что сгнило в Гамбурге, отправляется сюда, сходит с рук и даёт богатую наживу здешним торговцам» (1872, с.20).

Такой же негативный образ местной торговли нарисовал и Н. М. Пржевальский, посетивший Приамурье и Приморье в 1867–68 гг.:

«Гораздо важнее, нежели соболиная торговля, для местного уссурийского населения торговля теми предметами, которые составляют насущную необходимость даже самого неприхотливого быта. ... Основанная исключительно на спекуляциях различных аферистов, голышей, пришедших сюда с десятками рублей и думающих в несколько лет нажить десятки тысяч, уссурийская торговля зиждется главным образом на эксплуатации населения, в особенности туземного, на различных рискованных аферах, но всего более на умении пользоваться обстоятельствами и, по пословице, «ловить рыбу в мутной воде»» (Пржевальский, 1949, с.45-46).

Эксплуатация и закабаление инородцев, неэквивалентный обмен пушнины на спирт и предметы бытового обихода были одними из главных претензий к китайской торговле в Приамурском крае. Эти обвинения прозвучали уже на I Съезде сведущих людей, собранном первым Приамурским генерал-губернатором А. Н. Корфом, хотя в 1880-е годы негативное отношение региональной администрации и предпринимателей к китайской торговле в целом ещё не сформировалось (Сорокина, 1991, с. 164-166). Такие же методы первоначального накопления капитала были характерны и для сибирских купцов (Скрабневский & Гончаров, 2004), и, с большей степенью вероятности, русские предприниматели на дальневосточном фронтире были продолжателями «традиции» сибирского купечества, а не китайского, что, возможно, являлось универсальными чертами любого фронта.

Важнейшими факторами успешного ведения дела на фронтире были инициативность, предприимчивость и авантюризм. А. В. Датган отмечает положительную роль «кипучей, чисто американской деятельности» первых предпринимателей на Амуре:

«Отставные солдаты, переселенцы, приказчики, крестьяне спешили водвориться в городе и, не стесняемые акцизными формами и размерами, налагаемыми правилами о торговле, без гильдейских свидетельств и провозных, захватили почти всю торговлю на Амуре... Варилось и продавалось пиво, выделялись наливки, водки, ликеры, возникла табачная и папиросная фабрика, заро-

дился проект винокуренного завода. Города быстро наполнялись; стали возникать местные капиталы» (Датган, 1897, с. 9).

Формы и специфика торговли на фронтире

На начальном этапе освоения региона торговля отличалась рядом характерных для фронта черт: преобладание ввозной торговли, значительное иностранное влияние в условиях порто-франко, осуществлявшаяся по рекам развозная торговля с барж, ярмарочная и смешанная стационарная торговля.

Огромное влияние ввоза из-за границы (США, Западная Европа, Китай, Япония и Корея) на местную торговлю и обеспечение населения товарами неоднократно отмечалось исследователями (Устюгова, 2002, с. 81-82; Позняк, 2004, с. 118-132). Ввозной характер торговли в силу отсутствия собственного производства был характерен и для сибирского и американского фронта (Резун, 2001, с. 26-28). В отличие от Дальнего Востока, в Сибири ввоз товаров шёл по большей части из России и лишь в небольшой степени из Монголии, Китая и Средней Азии; дальневосточный фронт в этом плане имел больше сходств с американским, товары притекали из более широкого круга стран Европы и Азии. Важнейшую роль здесь сыграло введение режима порто-франко и приток в регион иностранных предпринимателей из европейских стран и США. Уменьшение иностранного влияния происходило постепенно с открытием рейсов Добровольного флота, затем – с началом и завершением строительства Транссибирской магистрали, включая КВЖД, и отменой режима порто-франко.

Развозная торговля с барж постоянно упоминается как специфическое явление в путевых записках в 1850-70-е годы (Вышеславцев, 1867, с. 270-271; Максимов, 1864, с. 313-314; Стахеев, 1869, с. 243-244). В мае в Благовещенск приплывали баржи с товарами. Они отправлялись из Читы тотчас же по вскрытии р. Шилка; каждый купец стремился проплыть по Амуру первым, чтобы лучше поторговать и получить больше барыша. По приходу барж их окружала толпа покупателей – чиновники с супругами, казаки с казачками, маньчжуры. Дней по шесть баржи стояли у города и отправлялись дальше, их сменяли другие. С одной велась бойкая торговля мануфактурой, с другой – бакалейным товаром (Стахеев, 1869, с. 243-244). В Николаевске-на-Амуре эти баржи превращались во временные магазины и склады, для этого их вытаскивали на берег, прорубали двери и окна (Вышеславцев, 1867, с. 271-272).

Ярмарочная торговля в России была обычным явлением, однако в регионе первые ярмарки имели особенный характер: так называемые маньчжурские ярмарки в Благовещенске были не только местом торговли, но и полем межкультурной коммуникации. Они проходили каждый месяц в течение 8-10 дней, на них с правого берега Амура маньчжуры и китайцы привозили разнообразные товары.

Маньчжурская ярмарка «начиналась обыкновенно с девяти часов утра; десятки разнообразных, более или менее фигурных лодок приставали к русскому берегу. Маньчжуры выгружали свои товары и таскали их на ярмарку на своих собственных плечах. Нойон (чиновник) ударял несколько раз в бубны, и ярмарка с этого момента считалась открытой. Ехали городские барыни, большею частью жены чиновников и офицеров, закупать провизию; шли казаки и поселенцы, кто за мукой, кто за табаком или аракой... Часам к семи раздаётся снова удар в бубны. Торопливо начинают бегать и суетиться маньчжуры, собирая свои товары; они спешат к своим лодкам, боясь опоздать и подвергнуться за это справедливому гневу своего нойона, присутствующего на ярмарке с утра и до вечера, в качестве охраняющей силы...» (Стахеев, 1869, с. 248-249).

Этот вид торговли быстро утратил своё значение, уже в 1864 г. торговцы из Айгуня устроили склады в деревне Сахальянь на китайском берегу Амура и ежедневно поставляли в Благовещенск необходимые товары (Устюгова, 2002, с. 94-95).

В 1890-е годы ярмарочная торговля в крупных сёлах Приморской и Амурской областей приобретает традиционный для Российской империи характер – в специально отведённые время и место съезжались крестьяне с овощами, картофелем, молочными продуктами, овсом (Устюгова, 2002, с. 95-98). Постоянная же базарная торговля сохраняла региональную специфику на всем протяжении имперского периода из-за присутствия азиатских мигрантов.

Базарная торговля первоначально была привязана к основным путям сообщения – рекам и морю. В Хабаровске, Благовещенске, Николаевске на Амуре первые базары возникли на берегу Амура вблизи пристаней, именно сюда подвозили товары по реке из сельской местности, с китайского берега Амура. Во Владивостоке первый – Манзовский¹ – базар появился вблизи пристани на берегу залива Золотой Рог, второй – Семеновский – на берегу так называемого Семеновского ковша (небольшая бухта в Амурском заливе). На китайских и корейских шаландах сюда подвозили с побережья залива Петра Великого дрова, известь, зелень, овощи и картофель, рыбу и морепродукты.

В дальневосточных городах базары были сосредоточием китайской торговли. Манзовский базар во Владивостоке в конце 1870-х годов представлял собой плохо обустроенную площадь с деревянными лавками, располагавшимися кучно и бессистемно. Отхожие места чистились редко, выгребные ямы были заполнены мусором. Кроме лавок и рядов открытых ларей, базарная площадь была заполнена рядами дров, складированных прямо «на сырой пропитанной нечистотами земле» (РГИА ДВ, ф.28, оп.1, д.92, л.9). Китайцы ночевали в лавках, где днём шла бойкая торговля. В 1884 г. городская управа озабочилась санитарным состоянием базара, на средства города были устроены два склада дров, земля на площади вычищена, выровнена и осушена канавами. Очищены от нечистот дворы, занятые китайцами. Для надзора за порядком и

1 Манзы или ман-цзы – местное общепотребительное название китайцев и маньчжур в Южно-Уссурийском крае.

свежестью продовольственных товаров учредили должность базарного старосты (РГИА ДВ, ф.28, оп.1, д.92, л.9об.-10).

Однако и в 1890-х годах базар у городской пристани по-прежнему был местом скопления китайцев. Д. И. Шрейдер, проживший три года в регионе, писал:

«На базаре... торговля ... находится почти исключительно в китайских руках. На небольшом пространстве расположены параллельными рядами микроскопические деревянные пассажи, разделённые деревянными же перегородками на ещё более микроскопические квадратные помещения, в которых вы можете найти все, начиная от кожи и мяса и до дешёвых галантерейных вещей включительно. Ряды пассажиров со стороны бухты замыкаются несколькими параллельными же рядами открытых лотков и ларей, где производится китайцами же исключительно зеленная, фруктовая и овощная торговля» (1897, с.22).

Городская управа планировала перенести места торговли китайцев на Семеновский покос, однако, судя по отчёту городского врача за 1897 год, базар до конца XIX века не был перенесён, но его санитарное состояние улучшилось (РГИА ДВ, ф.3, оп.1, д.1, л.141об.-142). В начале XX века манзовский базар был перестроен, большая часть торговли переехала на Семеновский покос, и теперь жалобы общественности на антисанитарию и преступность были направлены на новый базар – Семеновский.

В 1850-1860-е годы в Приамурье появилась и стационарная торговля. В путевых очерках С. В. Максимов и Ф. Августинович описали организацию торговых помещений в Николаевске-на-Амуре. Немцы и американцы стремились на новом месте воспроизводить атмосферу родины, привычные условия жизни и труда, потому строили «дома на манер тех, что привыкли строить на родине». По словам С. В. Максимова, у американцев дом был уютен и практичен; «большие окна с частым переплетом делают их светлыми; дом разделен на две половины: в одной помещается полу-теплый магазин с товарами; в другой – жилище самого купца; дома американцев не столько высоки, сколько длинны...» (1864, с. 313-314).

«Гамбургские немцы также поспешили выстроить дома, но со своеобразным оттенком; их дома узкие и высокие, потому что выстроены в два этажа: в верхнем хозяйская квартира, немецкий язык и пиво; в нижнем – магазин с кое-какими мелочами в едва приметном количестве и с огромным запасом водки и рому, между которыми – сладкая вишнёвка американского происхождения...» (Максимов, 1864, с. 314).

По свидетельству Ф. Августиновича, лавки и магазины и русских николаевских купцов, как правило, помещались в том же доме, где купец жил. «Магазины николаевских купцов не помещаются в гостинном ряду; они устроены в домах каждого из них... Магазины эти ничем не отличаются от жилых комнат, с которыми и соединяются посредством дверей, разве только более значительными размерами» (1874, с. 5).

Другой характерной чертой местной торговли, отмеченной Ф. Августиновичем, был её смешанный характер:

«такого нельзя встретить в магазинах центральных губерний в России, где каждый магазин заключает в себе один какой-нибудь отдел продаваемых товаров. Здесь же в одном и том же магазине, можно получить все, что только нужно, так как в каждом из них содержится одинаковый запас самых разнообразных предметов для продажи; здесь все перемешано вместе... Все это на первый взгляд и покажется странно, но очень выгодно для покупателя, которому пришлось бы тратить много времени для отыскания нужной для него вещи. По моему это придумано умно, и подобная продажа распространена и усвоена всею почти восточною Сибирью» (Августинович, 1874, с. 6).

Американскими торговцами смешанная торговля практиковалась в эпоху освоения и активного продвижения на американском Западе. Нельзя отрицать, что подобная организация торгового дела могла сложиться в Приамурье под влиянием американцев, но, скорее, она была универсальным механизмом максимизации прибыли. На начальном этапе колонизации в условиях узкого потребительского рынка (население городов большей частью состояло из нижних чинов, ссыльных поселенцев, покупательская способность которых была низка) и отсутствия больших капиталов смешанная торговля позволяла за счёт расширения ассортимента товаров застраховаться от разорения и получить наибольшую прибыль. В пользу этого предположения говорит и распространение торговли спиртными напитками, дающей наибольшую прибыль при наименьших затратах и обеспеченной постоянным спросом населения (Позняк, 2010, с. 39-41).

С конца XIX века началось полноценное разделение торговли на специализированную и универсальную, при сохранении смешанной торговли на базарах и в небольших лавках на окраинах городов. Для ведения универсальной торговли предприниматели, в первую очередь крупные, стали внедрять новый тип торговых предприятий – комплексы, оснащённые по последнему слову техники, состоявшие из нескольких многоэтажных зданий и включавшие, кроме магазина, склады, конторы и различные сопутствующие службы, например, небольшие электростанции. Посетивший Дальний Восток в начале XX в. Ю. Лигин в путевых очерках заметил:

«То, что на Западе явилось продуктом новейшего развития, – лавка-дворец, в которой имеется все, – хлеб, мясо, обувь, одежда, мебель и железо, – то здесь выросло на девственной почве нетронутой ещё человеком земли. И когда попадаешь в роскошные помещения одного из этих торговых дворцов, только по одному признаку замечаешь, что находишься в Азии: обязанность заворачивать покупки в бумагу возложена на китайских мальчиков – «боев» (1913, с. 69).

В первую очередь такие комплексы были выстроены торговыми домами «Кунст и Альберс» во Владивостоке и «И. Я. Чурин и К°» в Благовещенске (Виноградов, 1901, с. 227). Эти две крупнейшие в регионе торговые империи конкурировали на протяжении всего имперского времени, постепенно охватив

сеть отделений не только города региона, но и крупные села, железнодорожные станции, распространив своё влияние на полосу отчуждения КВЖД. Их успешной конкуренции за влияние на региональных рынках, бесспорно, способствовало взаимное усвоение преимуществ конкурента – внедрение технических новшеств, диверсификация сфер предпринимательской активности, расширение ввоза российских товаров, ориентация на вкусы потребителя, широчайший ассортимент товаров и услуг и пр.

Иностранное предпринимательство: его преимущества и негативные стороны

Одной из правительственных мер, способствовавших обеспечению региона продовольствием и товарами первой необходимости, стало введение режима порто-франко. Уже в 1880-е годы среди русских предпринимателей и части региональных администраторов появились лица, выступавшие за его отмену. Они считали, что этот режим создавал преимущества только для иностранных предпринимателей и вредил развитию русской торговли. На начальном этапе колонизации конкурентные преимущества предпринимателей – выходцев из США и западноевропейских стран – складывались из доставки товаров морем благодаря возможности фрахта судов (а не сухопутным более длительным путём), наличия налаженных связей с поставщиками товаров на родине, возможности получения кредита или наличие оборотных капиталов, привлечения квалифицированных служащих – соотечественников, более высокого качества обслуживания и комфортной обстановки в магазинах. Военный губернатор Владивостока А. Ф. Фельдгаузен во всеподданнейших отчётах за 1884, 1885 и 1886 гг. отмечал лучшую организацию торгового дела предпринимателей из Германии: «Немцы в торговле Владивостока занимают первое место. Торговое дело своё они поставили во Владивостоке значительно прочнее, обширнее и лучше, чем у русских, товары у них разнообразнее, свежее и лучше, служащие стоят выше по развитию и деликатности, магазины очень большие и богатые, с весьма хорошею обстановкою» (РГИА ДВ, ф.77, оп.1, д.602, л.165об.). «Главные немецкие магазины помещаются в больших прекрасных каменных зданиях, обстановку имеют очень хорошую, вполне европейскую и в магазине одном все можно купить без всякой задержки покупателя, все служащие вежливы и деликатны...» (РГИА ДВ, ф.77, оп.1, д.509, л.237об.-238). Русские же предприниматели не только не заимствовали приёмы и методы организации торговли, но и ничего не противопоставляли влиянию иностранцев. Главными причинами предпочтения русскими покупателями немецких магазинов, по мнению А. Ф. Фельдгаузена, были низкое качество товаров у русских предпринимателей, малый ассортимент, неквалифицированный и невежливый персонал и, как следствие, плохое обслуживание покупателей, обман, фальсификация товаров, произвольное повышение цен (РГИА ДВ, ф.77, оп.1, д.382, л. 387-388об., д.602, л.165об.-166).

Другой особенностью региональной торговли было сильное влияние китайцев. Степень влияния и форматы китайской торговли рассматривались многими исследователями (Позняк, 2004, с.118-132, Сорокина, 1999, с. 60-86; Сорокина, 2014, с.84-102), и нет нужды останавливаться на них подробно, для иллюстрации приведём лишь отдельные статистические данные. По приблизительным подсчётам А. В. Даттана, в 1889 г. сумма оборотов китайских фирм в Южно-Уссурийском крае составляла немногим более 1,5 млн серебряных рублей, в 1891 г. – 2,5 млн, а к 1893 г. выросла до 6 млн руб. (Даттан, 1897, с. 79). В 1910 г., по данным Амурской казённой палаты, азиатские¹ предприятия в торговле в городах Приморской области составляли около 50%, а их обороты составляли свыше 26 млн руб. или 1,7% (а без учёта банковской деятельности – 23,5%); в городах Амурской области – 27-28% и около 2,5 млн руб. (22,6%) соответственно (Позняк, 2004, с. 128, 251-255).

В докладе Комитету по заселению Дальнего Востока представитель военного ведомства Л. Болховитинов указывал на засилье китайцев в торговле Приамурья и разнообразие её форм: «нет ни одного вида торговли, где нельзя было бы встретить китайца: начиная с доставки на рынок предметов первой необходимости, мелочной торговли с лотков на базарах, лавок в деревнях и кончая огромными магазинами в городах и крупнейшими фирмами, всюду фигурируют китайцы» (Болховитинов, 1910, с. 189; Сорокина, 2014, с. 185). Заметным было влияние в торговле и японских предпринимателей, специализировавшихся на доставке товаров из Японии, но в большей степени – в ремесле, сфере обслуживания и проституции (Позняк, 2006, с. 34-38). Начиная с 1880-х годов, администрация Приамурского генерал-губернаторства принимала меры, направленные на уменьшение влияния китайской торговли, эта тема исчерпывающе исследована Т. Н. Сорокиной (Сорокина, 1999, с. 163-190).

Неформальные практики ведения торговли на фронтире

При таком влиянии китайской торговли на дальневосточном фронтире неудивительно, что самые нелестные отзывы в официальных документах и местной прессе встречались именно о ней, не только русские, но и немецкие предприниматели сетовали на невозможность конкурировать с ней (Дальний Восток, 1895. 13 янв.; Даттан, 1897, с. 77-80, 85-86). Главными причинами успеха китайцев современники называли сплочённость, солидарность, умение угодить покупателю и учесть его вкусы, возможности и потребности, а конкурентные преимущества китайцев в торговле складывались за счёт ряда организационных и управленческих приёмов и способов ведения дел – взаимное кредитование, снижение издержек за счёт исключения расходов на рекламу,

1 Амурская казённая палата статистические данные приводила по азиатским предприятиям вместе – по китайским, корейским и японским, но подавляющее большинство из них составляли именно китайские.

страхование, уменьшения затрат на ведение документации, аренду складских помещений, минимизация расходов на обстановку торговых помещений, отопление, освещение и заработную плату служащим. Для китайских предпринимателей было характерно выстраивание патерналистских отношений «хозяин – рабочий» и за счёт участия служащих в прибылях создавать у них общую заинтересованность в деле, что позволяло усиливать эксплуатацию и минимизировать расходы (Граве, 1912, с. 28-30; Даттан, 1897, с. 77-80; 17, с. 189; Шрейдер, 1897, с. 23-24).

Современники писали о такой особенности китайской торговли как создание своеобразных «товариществ», «компаний», где капитал формировался в складчину, обеспечивавшую успешную конкуренцию на рынке, подчёркивая в этом позитивное отличие от русских предпринимателей. Однако эти оценки современников не вполне соответствовали реальности. Создание товариществ (на вере, на паях) и торговых домов было распространённым в регионе способом расширения дела, преодоления отсутствия развитого банковского кредита, но не столько в торговой сфере, сколько при диверсификации дела и расширении предпринимательской активности на пароходное дело и промышленность. Товарищества среди русских предпринимателей создавались по большей части на основе семейных и брачных связей, и они были особенно распространены среди молокан Амурской области; вероятно, это было связано с низким уровнем доверия среди других групп русских предпринимателей. Эти формы товариществ были характерны и для сибирских купцов (Скубневский & Гончаров, 2004), и также были переносом сибирской традиции на дальневосточный фронт.

Китайцы уклонялись от уплаты пошлин на торгово-промышленное предприятие или уплачивали налоги, не соответствующие его разряду. Будучи прекрасно осведомлены об особенностях русского законодательства и организации взыскания налогов и штрафов в случае их неуплаты, а также неспешности российской системы судо- и делопроизводства, китайцы виртуозно использовали их в своих интересах. Виды мошенничества были весьма разнообразны: китайцы продавали некачественный, испорченный и залежалый товар под видом хорошего, из середины куска ситца вырезали несколько аршин, из каждого мешка муки отсыпали по несколько фунтов и продавали как полный, вкладывали для веса в товар камни (Граве, 1912, с. 30-32; Мацокин, 1911, с. 6-7; Дальний Восток, 1895, 21 мая; 1908, 12, 15 июня).

Подобные мошеннические приёмы были характерны не только для азиатских предпринимателей, русские предприниматели также уклонялись от регистрации (РГИА ДВ, ф.28, оп.1, д.4, л.176; ф.755, оп.2, д.415, л.28-28об.), практиковали продажу некачественных и залежалых товаров, накопление товаров на складах в ожидании окончания сезона подвоза и продажу его по завышенной цене, закупку пушнины у коренных народов по заниженной цене или неэквивалентный обмен на товары и пр. (РГИА ДВ, ф.28, оп.1, д.2, л.35; ф.77, оп.1, д.382, л.387-388об.; ф.755, оп.2, д.1064, л.253; Позняк, 2010а, с. 210-211).

Этническая солидарность и групповая мобилизация играли не последнюю роль в торговой деятельности японских и китайских иммигрантов в условиях иноэтничного окружения с незнакомыми правилами и нормами поведения. Этническая солидарность выступала средством, обеспечивавшим им первоначальный капитал для открытия собственного дела, включенность в необходимые сети: оптовик – розничные торговцы, производитель услуг, товаров, торговец – потребитель, а также позволяла использовать такие неформальные практики как ценовой сговор (Граве, 1912, с. 35-36; Позняк, 2010а, с. 205-208). Китайцы через свои национальные общества были прекрасно осведомлены о положении рынка, о кредитоспособности русских торгово-промышленных фирм, что ставило их в выгодное положение сравнительно с русскими купцами (РГИА ДВ, ф.702, оп.1, д.868, л.3). Японцы также объединялись в профессиональные или национальные общества, вхождение в них было делом не совсем добровольным (Граве, 1912, с. 204; Позняк, 2006, с. 39-43). Одной из функций таких обществ было устранение конкурентов: «... японцы, будучи организованы по профессиям, издают обязательные для всех товарищей по торговле и труду цены, ниже каковых, под страхом репрессий со стороны общества не может ни работать, ни торговать ни один японец. А это не может не отражаться на русском населении путём искусственно поднятых и вздутых японцами цен» (Бо-, 1911, с. 77).

Клановость и солидарность были характерны и для молокан в Амурской области. Большинство их торговых домов или товариществ состояли из представителей одной большой семьи, близких или дальних родственников, лиц, связанных брачными узами, причём браки, как правило, заключались в рамках молоканской общины. Среди них было развито взаимное кредитование, объединение капиталов и имущества, стремление к монополизации некоторых сфер деятельности. Они практиковали сговор с целью повышения цен и устранения конкурентов (Позняк, 2010а, с. 208-209; РГИА ДВ, ф.755, оп.2, д.299, л.49-50об.).

Выводы

Таким образом, для торговли на дальневосточном фронтире были характерны: преобладание ввозной торговли, значительное иностранное влияние в условиях режима порто-франко, осуществлявшаяся по рекам развозная торговля с барж, ярмарочная и смешанная стационарная торговля. Важнейшими статьями первоначального накопления капитала выступала торговля спиртными напитками, пушниной и неликвидными товарами, скупаемыми за бесценок на азиатских рынках. Некоторые из этих черт были присущи и сибирскому фронтиру XVII-XVIII вв.

Конкурентные преимущества предпринимателей из США и западноевропейских стран складывались на начальном этапе освоения из доставки товаров морем, наличия налаженных связей с поставщиками товаров на родине,

возможности получения кредита или наличия оборотных капиталов, привлечения квалифицированных служащих – соотечественников, более высокого качества обслуживания и комфортной обстановки в магазинах, а в начале XX в. – за счёт экспорта технических новинок, дальнейшего повышения качества обслуживания, внедрения новых стандартов торговых помещений. Только применительно к концу XIX – началу XX в. можно говорить о восприятии русскими купцами некоторых из этих преимуществ и позитивных изменениях в организации ими торгового дела. Это могло произойти как под влиянием европейских предпринимателей, так и вследствие развития бизнеса, наращивания капиталов и повышения уровня образования местного предпринимательства. Наличие источников, и, в частности, отсутствие мемуарной литературы региональных предпринимателей не позволяют достоверно судить о существовании культурного трансфера предпринимательских приёмов и практик в сфере торговли и промышленности на дальневосточном фронтире.

«Азиатское» влияние на русскую предпринимательскую культуру, культурный и социо-экономический трансфер затрудняло не только наличие религиозной и культурной границы между китайцами и русскими, но и европейская идея цивилизационного превосходства и цивилизаторской миссии Европы, воспринятая образованным обществом Российской империи и лёгшая в основу отношения не только к своим «инородцам», но к китайским мигрантам на Дальнем Востоке. Китайская торговля, приёмы и практики китайских предпринимателей оценивались негативно, а сами они воспринимались как опасные конкуренты не только русскими, но и «европейскими» предпринимателями. Одним из самых яростных противников китайской торговли был один из совладельцев «Торгового дома Кунст и Альберс» германский предприниматель А. В. Даттан, сменивший подданство на российское.

Однако это не мешало предпринимателям иной этнокультурной принадлежности использовать негативно оцениваемые применительно к китайцам способы обогащения. Использование нелегальных и легальных, но сомнительных с точки зрения морали способов обогащения – продажа некачественных или испорченных товаров, спекуляция, неэквивалентный обмен, неуплата налогов, контрабанда, мошенничество – было явлением, распространённым не только на фронтире, но здесь, вероятно, в большей степени, чем центре. Эти практики были следствием как неразвитого правосознания населения и нежелания соблюдать законы, так и желания быстро разбогатеть, поскольку неправовые приёмы позволяли и иммигрантам, и местному населению создавать капиталы быстрее, чем правовые. Широкому распространению неформальных экономических практик способствовали мягкость российских наказаний, слабость контроля со стороны полиции и органов городского самоуправления и безнаказанность нарушений, а также индифферентное отношение общества. Эти черты сходства вряд ли были следствием взаимного обмена торговыми приёмами разных групп предпринимателей,

скорее – универсальными механизмами максимизации прибыли в условиях слабого государственного контроля и неразвитости правового сознания населения.

Список литературы

- Августинович, Ф. (1874). *Жизнь русских и инородцев на острове Сахалине. (Очерки и заметки из девятимесячного дневника)*. Типография Товарищества «Общественная польза».
- Алябьев, Н. (1872). *Далекая Россия. Уссурийский край*. Типография Товарищества «Общественная польза».
- Бо-. (1911). Устав общества японцев, проживающих во Владивостоке. *Вестник Азии*, 9, 76–79.
- Болховитинов, Л. (1910a). Желтый вопрос на русском Дальнем Востоке. *Военный сборник*, 2, 161–174.
- Болховитинов, Л. (1910b). Желтый вопрос на русском Дальнем Востоке. *Военный сборник*, 3, 181–196.
- Венюков, М. И. (1970). *Путешествие по Приамурью, Китаю и Японии*. Хабаровское книжное издательство.
- Виноградов, А. (1901). *В дальних краях. Путевые заметки и впечатления*. Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнерев и К°.
- Вышеславцев, А. В. (1867). *Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания в 1857, 1858, 1859 и 1860 годах (2-е изд.)*. Издательство М. О. Вольфа.
- Граве, В. В. (1912). Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. В *Труды Амурской экспедиции*. Вып.11. Типография В.Ф.Киршбаума.
- Дальний Восток: Ежедневная газета, посвященная интересам Приамурского края. (1892-1922)*. Владивосток.
- Даттан, А. В. (1897). *Исторический очерк развития Приамурской торговли*. Типография Т.И. Гаген.
- Зубков, К. И., & Побережников, И. В. (2023). Восточный фронт русско-китайской колонизации в контексте модернизационной динамики. *Евразийский ежегодник*, 1, 235–263. <https://doi.org/10.22455/2949-5865-2023-1-233-261>
- Конев, А. Ю. (2023). Историографические и методологические грани сибирского «фронта». *Исторический вестник*, 44(2), 270–285. <https://doi.org/10.35549/HR.2023.2023.44.009>
- Лигин, Ю. (1913). *На Дальнем Востоке*. Задруга.
- Максимов, С. В. (1864). *На Востоке. Поездка на Амур в 1860–1861 гг. Дорожные заметки и воспоминания*. Типография Товарищества «Общественная польза».
- Мацокин, П. Г. (1911). Оценка данных производств в японских, китайских и европейских ремесленно-промышленных заведениях гор. Владивостока за 1910–1911 гг. *Вестник Азии*, 10, 1–20.
- Нестерова, Е. И. (2000). Китайцы в Приамурье: Некоторые аспекты социальной адаптации (конец XIX – начало XX в.). В *Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в.* (с. 69–82). Дальневосточное отделение РАН.

- Пахолков, П. И. (1998). Очерки торговли в первые годы по занятию Амура. В Граф Н.Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников (с. 157-216). Сибирский хронограф.
- Побережников, И. В. (2011). Азиатская Россия: Фронт, модернизация. Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки, 4, 191-203.
- Позняк, Т. З. (2002). Иммигранты на российском Дальнем Востоке во второй половине XIX - начале XX вв.: Выбор модели адаптации. В Археология и культурная антропология Дальнего Востока (с. 291-312). Дальневосточное отделение РАН.
- Позняк, Т. З. (2004). Иностранцы подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX - начало XX в.). Дальнаука.
- Позняк, Т. З. (2006). Социокультурная и экономическая адаптация японцев на российском Дальнем Востоке (вторая половина XIX - начало XX в.). В Векторы культуры Тихоокеанской России: История и современность (с. 30-47). Дальнаука.
- Позняк, Т. З. (2010а). Торговая инфраструктура городов российского Дальнего Востока во второй половине XIX в. Ойкумена. Регионоведческие исследования, 2, 36-48.
- Позняк, Т. З. (2010б). Формальные и неформальные экономические практики иммигрантов на российском Дальнем Востоке (вторая половина XIX - начало XX в.). В Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX - XX и XX - XXI веков (с. 203-217). Оттиск.
- Позняк, Т. З. (2016). «Культурные брокеры» и межкультурное взаимодействие в пространстве трансграничья во второй половине XIX - начале XX в. Известия Восточного института, 2, 21-33.
- Пржевальский, Н. М. (1949). Путешествие в Уссурийском крае. 1867-1869 гг. Примиздат.
- Резун, Д. Я. (2001). Сибирский и американский город на фронтире. В Фронт в истории Сибири и Северной Америки в ХУП - XX вв.: Общее и особенное (с. 24-28). Издательство ИДМИ.
- Резун, Д. Я., & Шиловский, М. В. (2005). Сибирь, конец XVI - начало XX вв.: Фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Институт истории СО РАН.
- Романова, Г. Н. (2009). Торговая деятельность китайцев на Дальнем Востоке России (конец XIX - начало XX в.). Россия и АТР, 3, 142-151.
- Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). (б. д.-а). Ф. 3. Оп.1. Д.1.
- Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). (б. д.-б). Ф.28. Оп.1. Д.2.
- Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). (б. д.-с). Ф.28. Оп.1. Д.4.
- Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). (б. д.-d). Ф.28. Оп.1. Д.92.
- Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). (б. д.-e). Ф.77. Оп.1. Д.382.
- Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). (б. д.-f). Ф.77. Оп.1. Д.509.
- Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). (б. д.-g). Ф.77. Оп.1. Д.602.

- Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). (б. д.-h). Ф.702. Оп.1. Д.868.
- Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). (б. д.-i). Ф.755. Оп.2. Д.299.
- Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). (б. д.-j). Ф.755. Оп.2. Д.415.
- Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). (б. д.-k). Ф.755. Оп.2. Д.1064.
- Скубневский, В. А., & Гончаров, Ю. М. (2004, май 8). Купечество Сибири второй половины XIX в. *Сибирская Заимка*. <https://zaimka.ru/skubnevsky-merchants/>
- Сорокина, Т. Н. (1999). *Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX – начало XX вв.)*. Омский государственный университет.
- Сорокина, Т. Н. (2014). «Заветная мысль каждого китайца»: Форматы китайской торговли в Приамурском крае на рубеже XIX – XX вв. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*, 10, 84–102.
- Стахеев, Д. И. (1869). *За Байкалом и на Амуре. Путевые картины*. Типография Карла Вульфа.
- Тернер, Ф. Дж. (2009). *Фронтир в американской истории. Весь мир*.
- Устюгова, О. А. (2002). *Торговля на юге Дальнего Востока России во второй половине XIX века* [Диссертация кандидата исторических наук]. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.
- Устюгова, О. А. (2014). Современники о торговле в городах юга Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.). В *Дальневосточный город в контексте освоения Тихоокеанской России* (с. 298–306). Издательство «Рея».
- Хамзин, И. Р., Ганиев, Р. Т., & Кочнев, А. В. (2023). Конструируя фронтир: Русско-китайская торговля как фактор модернизации Дальнего Востока на рубеже XIX – XX вв. *Журнал Фронтирных Исследований*, 8(4), 133–152. <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i4.491>
- Шрейдер, Д. И. (1897). *Наши Дальний Восток. Три года в Уссурийском крае*. Типография А.Ф. Девриен.

References

- Alyab'ev, N. (1872). *Dalekaya Rossiya. Ussuriyskiy kray*. Tipografiya Tovarischestva "Obschestvennaya pol'za". (In Russian).
- Avgustinovich, F. (1874). *Zhizn' russkikh i inorodtsev na ostrove Sakhaline. (Ocherki i zametki iz devyatyimesyachnogo dnevnika)*. Tipografiya Tovarischestva "Obschestvennaya pol'za". (In Russian).
- Bo-. (1911). *Ustav obschestva yapontsev, prozhivayuschikh vo Vladivostoke. Vestnik Azii*, 9, 76–79. (In Russian).
- Bolkhovitinov, L. (1910a). *Zheltiy vopros na russkom Dal'nem Vostoke. Voenniy sbornik*, 2, 161–174. (In Russian).
- Bolkhovitinov, L. (1910b). *Zheltiy vopros na russkom Dal'nem Vostoke. Voenniy sbornik*, 3, 181–196. (In Russian).

- Dal'niy Vostok: *Ezhednevnyaya gazeta, posvyaschennaya interesam Priamurskogo kraya*. (1892-1922). Vladivostok. (In Russian).
- Dattan, A. V. (1897). *Istoricheskiy ocherk razvitiya Priamurskoy torgovli*. Tipografiya T.I. Gagen. (In Russian).
- Grave, V. V. (1912). Kitaytsi, koreytsi i yapontsi v Priamur'e. In *Trudi Amurskoy ekspeditsii*. Issue 11. Tipografiya V.F.Kirshbauma. (In Russian).
- Khamzin, I. R., Ganiev, R. T., & Kochnev, A. V. (2023). Constructing the Frontier: Russian-Chinese Trade as a Factor in the Modernization of the Far East at the Turn of the 19th and 20th Centuries. *Journal of Frontier Studies*, 8(4), 133-152. <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i4.491> (In Russian).
- Konev, A. Yu. (2023). Historiographical and Methodological Facets of the Siberian "Frontier". *Istoricheskii vestnik*, 44(2), 270-285. <https://doi.org/10.35549/HR.2023.2023.44.009> (In Russian).
- Ligin, Yu. (1913). *Na Dal'nem Vostoke*. Zadruga. (In Russian).
- Maksimov, S. V. (1864). *Na Vostoke. Poezdka na Amur v 1860-1861 gg. Dorozhnie zametki i vospominaniya*. Tipografiya Tovarischestva "Obschestvennaya pol'za". (In Russian).
- Matsokin, P. G. (1911). Otsenka dannikh proizvodstv v yaponskikh, kitayskikh i evropeyskikh remeslenno-promishlennikh zavedeniyakh gor. Vladivostoka za 1910-1911 gg. *Vestnik Azii*, 10, 1-20. (In Russian).
- Nesterova, E. I. (2000). Kitaytsi v Priamur'e: Nekotorye aspekty sotsial'noy adaptatsii (konets XIX - nachalo XX v.). In *Adaptatsiya etnicheskikh migrantov v Primor'e v XX v.* (pp. 69-82). Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Pakholkov, P. I. (1998). Ocherki torgovli v pervie godi po zanyatiyu Amura. In *Graf N.N. Murav'ev-Amurskiy v vospominaniyakh sovremennikov* (pp. 157-216). Sibirskiy khronograf. (In Russian).
- Poberezhnikov, I. V. (2011). Asian Russia: Frontier, Modernization. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*, 4, 191-203. (In Russian).
- Poznyak, T. Z. (2002). Immigranti na rossiyskom Dal'nem Vostoke vo vtoroy polovine XIX-nachale XX vv.: Vibor modeli adaptatsii. In *Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya Dal'nego Vostoka* (pp. 291-312). Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Poznyak, T. Z. (2004). *Inostrannie poddannye v gorodakh Dal'nego Vostoka Rossii (vtoraya polovina XIX - nachalo XX v.)*. Dal'nauka. (In Russian).
- Poznyak, T. Z. (2006). Sotsiokul'turnaya i ekonomicheskaya adaptatsiya yapontsev na rossiyskom Dal'nem Vostoke (vtoraya polovina XIX nachalo XX v.). In *Vektory kul'turi Tikhoookeanskoy Rossii: Istoriya i sovremennost'* (pp. 30-47). Dal'nauka. (In Russian).
- Poznyak, T. Z. (2010a). The trade infrastructure of the cities of the Russian Far East in the second half of XIX century *Ojkumena. Regional Researches*, 2, 36-48. (In Russian).
- Poznyak, T. Z. (2010b). Formal'nie i neformal'nie ekonomicheskie praktiki immigrantov na rossiyskom Dal'nem Vostoke (vtoraya polovina XIX - nachalo XX v.). In *Migratsii i diaspori v sotsiokul'turnom, politicheskom i ekonomicheskom prostranstve Sibiri. Rubezhi XIX - XX i XX - XXI vekov* (pp. 203-217). Ottisk. (In Russian).
- Poznyak, T. Z. (2016). "Kul'turnie brokeri" i mezhkul'turnoe vzaimodeystvie v prostranstve transgranich'ya vo vtoroy polovine XIX-nachale XX v. *Oriental Institute Journal*, 2, 21-33. (In Russian).
- Przheval'skiy, N. M. (1949). *Puteshestvie v Ussuriyskom krae. 1867-1869 gg.* Primizdat. (In Russian).

- Rezun, D. Ya. (2001). Sibirskiy i amerikanskiy gorod na frontire. In *Frontir v istorii Sibiri i Severnoy Ameriki v KhUP – XX vv.: Obschee i osobennoe* (pp. 24–28). Izdatel'stvo IDMI. (In Russian).
- Rezun, D. Ya., & Shilovskiy, M. V. (2005). *Sibir', konets XVI – nachalo XX vv.: Frontir v kontekste etnosot-sial'nikh i etnokul'turnikh protsessov*. Institute of History Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Romanova, G. N. (2009). The Trade Activity of Chinese in the Far East of Russia (the end of the 19th – the early 20th C.). *Russia and the Pacific*, 3, 142–151. (In Russian).
- Russian State Historical Archive of the Far East (RSHA FE). (n. d.-a). F. 3. In.1. C.1. (In Russian).
- Russian State Historical Archive of the Far East (RSHA FE). (n. d.-b). F.28. In.1. C.2. (In Russian).
- Russian State Historical Archive of the Far East (RSHA FE). (n. d.-c). F.28. In.1. C.4. (In Russian).
- Russian State Historical Archive of the Far East (RSHA FE). (n. d.-d). F.28. In.1. C.92. (In Russian).
- Russian State Historical Archive of the Far East (RSHA FE). (n. d.-e). F.77. In.1. C.382. (In Russian).
- Russian State Historical Archive of the Far East (RSHA FE). (n. d.-f). F.77. In.1. C.509. (In Russian).
- Russian State Historical Archive of the Far East (RSHA FE). (n. d.-g). F.77. In.1. C.602. (In Russian).
- Russian State Historical Archive of the Far East (RSHA FE). (n. d.-h). F.702. In.1. C.868. (In Russian).
- Russian State Historical Archive of the Far East (RSHA FE). (n. d.-i). F.755. In.2. C.299. (In Russian).
- Russian State Historical Archive of the Far East (RSHA FE). (n. d.-j). F.755. In.2. C.415. (In Russian).
- Russian State Historical Archive of the Far East (RSHA FE). (n. d.-k). F.755. In.2. C.1064. (In Russian).
- Shreyder, D. I. (1897). *Nash Dal'niy Vostok. Tri goda v Ussuriyskom krae*. Tipografiya A.F. Devrien. (In Russian).
- Skubnevskiy, V. A., & Goncharov, Yu. M. (2004, may 8). Kupechestvo Sibiri vtoroy polovini XIX v. *Sibirskaya Zaimka*. <https://zaimka.ru/skubnevsky-merchants/> (In Russian).
- Sorokina, T. N. (1999). *Khozyaystvennaya deyatel'nost' kitayskikh poddannikh na Dal'nem Vostoke Rossii i politika administratsii Priamurskogo kraya (konets XIX – nachalo XX vv.)*. Omskiy gosudarstvenniy universitet. (In Russian).
- Sorokina, T. N. (2014). “Cherished Dream of Every Chinese”: Chinese Trade Formats in Amur River Territory on the Casp of 19th and 20th Centuries. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science And Religion Studies*, 10, 84–102. (In Russian).
- Stakheev, D. I. (1869). *Za Baykalom i na Amure. Putevie kartini*. Tipografiya Karla Vul'fa. (In Russian).
- Turner, F. J. (2009). *The Frontier in American History*. Ves' mir. (In Russian).
- Ustyugova, O. A. (2002). *Torgovlya na yuge Dal'nego Vostoka Rossii vo vtoroy polovine XIX veka* [PhD Thesis]. Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS. (In Russian).
- Ustyugova, O. A. (2014). *Sovremenniki o torgovle v gorodakh yuga Dal'nego Vostoka Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)*. In *Dal'nevostochniy gorod v kontekste osvoeniya Tikhoookeanskoy Rossii* (pp. 298–306). Izdatel'stvo “Reya”. (In Russian).
- Venyukov, M. I. (1970). *Puteshestvie po Priamur'yu, Kitayu i Yaponii*. Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian).
- Vinogradov, A. (1901). *V dal'nikh krayakh. Putevie zametki i vpechatleniya*. Tipo-litografiya Tovarischestva I.N. Kushnerev i K°. (In Russian).

Visheslavitsev, A. V. (1867). *Ocherki perom i karandashom iz krugosvetnogo plavaniya v 1857, 1858, 1859 i 1860 godakh* (2-e izd.). Izdatel'stvo M. O. Vol'fa. (In Russian).

Zubkov, K. I., & Poberezhnikov, I. V. (2023). Eastern Frontier of the Russian Colonization in the Context of Modernization Dynamics. *Eurasian Yearbook*, 1, 235–263. <https://doi.org/10.22455/2949-5865-2023-1-233-261> (In Russian).